Произведения членов жюри Четвёртого межрегионального литературного конкурса «Ты сердца не жалей, поэт» 2020

А судьи кто?

Богдан-Журихина Таисия Николаевна – Родилась в Калининградской области. Является золотым лауреатом Первого конкурса им. Ф. Карима в номинации «Поэзия» и золотым лауреатом Второго конкурса в номинации «Малая проза». Член СПР. Прозаик и поэт. Живёт в посёлке Залесье Полесского района Калининградской области. taisiya220154@mail.ru

Прости меня, отец

Победители. Защитники Отечества. Много лет назад на полях второй мировой, вы клялись на могилах павших товарищей дойти, добраться до вражеского логова и навсегда уничтожить фашистскую гадину.

Вы сделали это! Завершив свою победную миссию в мае 1945 года. И весь мир склонил головы перед великим военным подвигом советских солдат-освободителей.

А потом наступил мир. И вы, не всегда здоровые – раненые, контуженные, но уцелевшие, возвращались домой. Вам предстояла тяжелая работа: восстанавливать разрушенные врагом города и сёла, растить хлеб, заново строить фабрики и заводы, поднимать народное хозяйство.

Тогда вам и в голову не могло прийти, что спустя много лет потомки, спасённых, вырванных вами, из страшного военного ада людей, будут оспаривать вашу освободительную миссию. Извращать, переиначивать историю на свой лад, приравняв вас к фашистам. Теперь вас осталось всего несколько тысяч – героев, принесших миру свободу. И противостоять безумной оголтелой клевете, доказывая свою правду у вас не осталось сил. Их вы оставили на той, далёкой войне, веря, что она была последней.

Простите нас, воины, живые и павшие за беспечное отношение к вашей Победе. Да! Да! Именно так! Неприкрытая, страшная правда о войне – то, о чём должны были говорить, кричать во весь голос победители, строжайше скрывалась в засекреченных архивных документах. А теперь, согласно пресловутой толерантности, нашей правде всё труднее пробиться сквозь грязные потоки лжи,

хлынувшей из уст тех, кто жив лишь, благодаря вашей победе.

Простите нас.

Прости меня, отец. Прости, за твоих земляков-украинцев, которых ты всегда считал своими братьями по крови. Тебя, героически сражавшегося за свободу ридной Неньки Украины, они предали. Как предали твоих товарищей, тех, кто тонул в Днепре и погибал на полях многострадальной украинской земле.

Теперь, здесь вырывают с корнем упоминание о советских воинах-освободителях, уничтожая памятники героям, проливавшим кровь за эту землю.

Прости. Мой голос тонет в изощрённой чудовищной лжи.

Ты никогда не рассказывал о войне и не любил, когда мы бегали с деревянными игрушечными автоматами, «стреляя» друг в друга.

«Чого, вы тарахтите своими стрелялками? Что вы знаете о войне?» – С горечью говорил ты. А нам хотелось тоже показать свою храбрость, по своему, защищать нашу землю, раз не пришлось в действительности.

О войне тогда мы знали из рассказов уцелевших фронтовиков, но больше по фильмам. А о твоём героическом участии в ней с описанием подвигов, награды за которые не раз держала в руках, я узнала совсем недавно из сайта «Память народа». Наград было много, они занимали обе стороны верха праздничного костюма и тихонько звенели, когда ты надевал его в редкие торжественные дни…

Богдан Николай Антонович – 1920 года рождения, украинец, уроженец села Негребовка, Радомышльского района, Житомирской области, дата призыва в РККА 1940 год. Механик-водитель СУ-76 Самоходного Артиллерийского Дивизиона 12-й самоходной артиллерийской бригады.

Три наградных листа. Орден отечественной войны 1 степени, Орден отечественной войны 2 степени, Орден Красной Звезды 1944 год.

…За проявленное мужество, стойкость и бесстрашие на поле боя награждён Орденом Красной звезды. Приказ № 01/н от 11 мая 1944 года.

И скупые, по-военному краткие строчки описания подвига:

При освобождении деревни Свимажин, маневрируя на поле боя, Богдан Н.А. показал искусство вождения. СУ-76 одна из первых ворвалась в деревню, ведя беспрерывный огонь в составе экипажа. Уничтожено 6 пулемётных точек, 4 пушки и до 60 гитлеровцев. Под 2-х часовым артминомётным огнём противника, восстановил вышедший из строя СУ-76 и отбуксировал в тыл части, сохранив матчасть и личный состав экипажа.

Командир гв. майор Колобов…

Вот каким я узнала тебя. Спасибо, отец за твой подвиг и святую правду о тебе. Я горжусь тобой! Как в каждой семье гордятся своими близкими, отстоявшими мир Воинами-Освободителями, живыми и павшими…

Нас миллионы – потомков освободителей и теперь пришёл наш черёд защищать вашу Победу! Правда восторжествует, «Победа будет за нами!»

Воронин Дмитрий Павлович – Родился в 1961 году в г. Клайпеда (Литовская ССР). Окончил Калининградский Государственный университет. Сельский учитель.Член СПР. Член Конгресса литераторов Украины. Прозаик. Живет в п. Тишино Калининградской обл. pimin00@rambler.ru

Каменный Клаус

Юный Клаус Штейн вот уже битых шесть минут с остервенением давил и давил на кнопку взрывного устройства, но все было напрасно, оно не срабатывало. Клаус Штейн разрыдался. Через минуту он выскочил из укрытия и, что было сил, побежал вдоль старого еврейского кладбища по направлению к еще более старой синагоге. Когда до цели оставалось не более ста пятидесяти метров, Клаус Штейн нажал на курок автомата. Эта еврейская семейка вся легла у его ног. И отец, и мать, и две девчонки-близняшки, и этот розовощекий десятилетний мальчишка, тащивший за собой самокат. Клаус Штейн сразу определил виновника своей неудачи, у мальчишки из кармана коротких штанишек торчал кусок провода, того провода, который вел к взрывному устройству. Юный Клаус Штейн мог бы доказать этот факт, но кому это сейчас было интересно, перед кем оправдываться, когда не исполнен приказ. Оставалось только пнуть с досадой убитого мальчишку и бежать прочь, подальше от собственной смерти, которая приближалась на броне русского танка, выворачивающего на улицу Майзела с Широкой улицы.

Очень старый Клаус Штейн приехал в Прагу спустя семьдесят три года. Он никогда не думал о том, что вернется в этот город своего позора, но последние лет шесть ему бесконечно снились кошмары о невыполненном приказе. Клаус Штейн никому не рассказывал о своем проколе, даже жене. Может быть, он и поделился бы с ней этим в конце концов, но она уже двадцать лет была мертва, она умерла задолго до его навязчивых воспоминаний о сорванном задании.

Клаус Штейн не хотел обращаться к врачу, но несколько месяцев тому назад привокзальная цыганка неожиданно схватила его за руку и, глядя в глаза, тихо прошептала: «Ты должен туда поехать». Старик не стал ничего переспрашивать, он даже не удивился.

Клаус Штейн приехал в Прагу ровно в тот день, когда семьдесят три года тому назад в ярости нажимал и нажимал на кнопку взрывного устройства в надежде на отмщение тем, кто когда-то предал Христа. У него был приказ взорвать Староновую синагогу, в которой нашли убежище на излете свирепой войны несколько десятков еврейских семей, сумевших сохранить каким-то чудом свои жизни.

Клаус Штейн приехал в Прагу в надежде освободиться от тех видений, которые преследовали его последние годы и высасывали его драгоценное здоровье. Он вернулся в прошлое, чтобы обрести

настоящее.

Опираясь на изящную трость Клаус Штейн медленно шел от Староместской площади по Парижской улице в сторону еврейского квартала Йозефов. Он не спешил. Вечерело. В какой-то момент старик свернул на улицу Червеную и оказался в еврейском предместье. Пройдя еще один квартал, Клаус Штейн устало опустился на скамейку, стоявшую напротив выхода из старой синагоги. Молитвенный дом был уже закрыт.

Клаус Штейн тяжело дышал, он был стар, и неблизкая дорога сильно утомила его. Старик прикрыл веки и стал ждать.

Так прошел час, потом другой. Улицы вокруг синагоги опустели, город окутала ночь. Клаус Штейн продолжал в глубокой задумчивости сидеть на скамейке, не ощущая майской ночной прохлады.

Ровно в полночь из синагоги вышел высокий мужчина крепкого телосложения. Он на минуту остановился, поднял воротник плаща, чуть сдвинул на лоб шляпу, вытащил из пачки сигарету и закурил. Бросив спичку в урну, незнакомец неспешно направился к скамейке Клауса Штейна.

Казалось, что Клаус Штейн уснул. Мужчина положил свою тяжелую руку на плечо старика. Через мгновение все тело Клауса Штейна задергалось в конвульсиях, лицо в свете фонаря побледнело и покрылось потом. Еще миг, и Клаус Штейн в ужасе побежал по улице Майзела в сторону Широкой улицы. Там он резко свернул и помчался по направлению к Влтаве.

Клаус Штейн бежал. Это было удивительно. Бежал старик, бежал, как юный мальчишка, быстро и легко. Ничто в нем и близко не напоминало согбенного инвалида с тростью в руке. Куда-то исчезли одышка и хромота, куда-то исчезли девять десятков прожитых лет. Клаус Штейн бежал, как тогда, в мае сорок пятого, когда он удирал от русского танка, неожиданно выехавшего на улицу, что вела к так и не взорванной им синагоге. Клаус Штейн вновь стал молодым.

Штейн бежал во всю прыть, пока, споткнувшись о брошенный детский самокат, не упал навзничь, сильно ударившись обо что-то головой. Клаус Штейн потерял сознание.

Очнувшись через какое-то время, Клаус Штейн неожиданно для себя разрыдался. Он давно так не рыдал. Пожалуй с того случая, когда произошел этот досадный сбой с уничтожением синагоги. В течение получаса Штейн никак не мог успокоиться. Его трясло, как в лихорадочном ознобе. Но постепенно всхлипы затихли, и истерика прекратилась.

Клаус Штейн стал осматриваться кругом. И чем быстрее он понимал, куда занесло его необычное преследование, тем тяжелее становилось у него на сердце. Эта тяжесть усиливалась от ощущения движения сотен и сотен могильных надгробий, окружавших со всех сторон Штейна. Тяжесть в груди усиливали и кладбищенские деревья-исполины, росшие тут с незапамятных времен. При свете луны, они, будто сказочные чудовища, размахивали своими ветвями, создавая иллюзию присутствия рядом со Штейном множества душ умерших евреев. Клаус Штейн чувствовал, что теряет рассудок. Казалось, еще чуть-чуть, и он окончательно сойдет с ума.

И в этот момент метрах в восьми от Штейна из-за надгробных плит неожиданно появилась группа людей. Впереди шли мужчина и женщина, за ними две девочки одинакового роста, и, чуть приотстав, мальчишка лет десяти. Мальчик на мгновение остановился, поднял с земли самокат и повернул голову в сторону Клауса. Штейна. Этого было достаточно, чтобы Клаус узнал его. Штейн убил этого мальчишку тогда, в мае сорок пятого. Убил его и всю его семью. Расстрелял в упор из шмайсера. Расстрелял и рассмеялся.

Клаус Штейн засмеялся и сейчас. Засмеялся, как смеялся только в юности, открыто и счастливо. Смех придал ему сил. Клаус Штейн встал и украдкой последовал за убитой семейкой. Покинув кладбище, он осторожно продолжал идти за ними, стараясь бесшумно ступать по брусчатке. Штейн выслеживал их, чтобы убить окончательно, раз и навсегда.

Улица Широкая сменилась менее широкой улицей, потом еще менее и еще, пока не сузилась до двухметровой ширины. В конце последней улицы в тусклом свете одинокого фонаря, в старом двухэтажном обветшалом здании, обнаружилась деревянная дверь, источенная жучком. Глава ненавистной семейки взялся за дверное кольцо и впустил жену с детьми внутрь.

Через минуту туда же проник и Клаус Штейн. Подойдя к лестнице, ведущей на второй этаж, Штейн вдруг резко обернулся. Позади него не было двери. Позади него была сплошная каменная стена. У стены стоял давешний незнакомец. Он снял шляпу и широко улыбнулся: «Добро пожаловать в ад, юный Клаус Штейн, добро пожаловать в каменный ад, в ад вечного безмолвия.»

Юный Клаус Штейн узнал незнакомца. Он читал о нем в книге случайно попавшей в его руки, перед тем, как выполнить приказ по взрыву Староновой синагоги.

Это был Голем.

** Голем — глиняный великан, которого, по легенде, создал праведный раввин Лёв для защиты еврейского народа. Лепится из красной глины в рост 10-летнего ребенка, имитируя, таким образом, действия Бога.*

Гахов Александр Константинович – Родился в 1952 г. в селе Обоянь Курской области. Окончил Тамбовское военное авиационно-техническое училище им. Ф.Э. Дзержинского. Член СПР. Член Международной ассоциации писателей и публицистов. Член-корреспондент Академии Поэзии. Прозаик и поэт. Живёт в г. Черняховск Калининградской области. mnimon@mail.ru

К чему сей разговор?

Весна. Беспечно облака за горизонт спешат,
Сиренью пахнут холода и словно в дымке сад.
О вечности и бренности задумался старик:
Былое не переписать, ведь жизнь – не черновик…

У дочки дети взрослые, живут без баловства,
И правнуки отрадою, как вешняя листва.

Сын с головою в бизнесе, за хвост поймал свой шанс.
Его партнёр – в Германии, рыжеволосый Ганс.
И только грозы майские, вздыхая в стороне,
Прокручивают в памяти картины о войне…
На праздник в дом родительский заехал в гости сын.
Сказал почти эпически – жить деду лучше с ним:
«Нелёгкий путь ты прошагал. Уж тянут вниз года.
Ведь будет некому помочь, случись с тобой беда».
Дед молча «Русскую» достал, огурчик покрошил,
И, усмехнувшись, произнёс: «Поэтому и жив».
«Отец… – сын рюмку пригубил, – у Ганса «фатер» есть,
Как ты – танкист, и всю войну провоевал он здесь.
Под Прохоровкой, где в огне вы встретиться могли,
Не угодили небесам – вас судьбы развели».
«И что с того? – взглянул старик, – к чему сей разговор?
Я защищал свою страну, а он пришёл, как вор!»
«Да я к тому, – смутился сын, продлив беседы нить, –
Он хочет встретиться с тобой, ну… И пивка попить!
Кто вспомнит прошлое – глаз вон, чтоб виделось едва»,
«А кто забудет, – дед вздохнул, – тому, сыночек – два».

Он встал и подошёл к окну. Пьянил весенний сад.
И вспомнились глаза друзей и тот кромешный ад…
Не мог он прошлое предать, врага не мог простить!
И сыну с болью прошептал: «О чём с ним говорить?!»

Беспафосное

История-кухарка крутую варит кашу,
Где ворон не летает, лежат солдаты наши.
Такая видно доля: им сраму не иметь,
Но зарастают тропки, и зеленеет медь.

Крадутся сапой тени идей свинцово-рваных,
И стонут монументы в химерно-братских странах.
Не время точит мрамор забвеньем лет былых,
Короткой стала память у бытия живых.

История не учит, но спрашивает строго,
Среди курганов братских лежит её дорога.
В воротах Бухенвальда, где – «Каждому своё»,
Определяет время сознанье битиём.

Чтоб не испить нам снова судьбы зловещей чашу,
«Ваш подвиг не забудем!», – отцам и дедам скажем.
Победой смерть поправши вновь выполняют долг –
По городам и весям течёт «Бессмертный полк».

Колодезная вода

Моему деду Афанасию посвящается

Возле ветхой церквушки неслышно ложатся года,
Жизнь прихода давно, обмелев, потекла стороною.
Лишь старушки и дети к колодцу спешат иногда, –
Его ставил священник, мой дед, перед самой войною.

Разрывая стальные объятия Курской дуги,
Защищая Россию, сгорали в огне батальоны.
Дед погиб в том огне, – время шире разводит круги,
Тишину опрокинув в колодец, рождается звоном.

Пробивается горечь, искрясь светлой стынью воды,
Поминальной свечой отражается в сумрачном храме.
Лихолетье и замять – вся жизнь от беды до беды,
От забвенья хранит не гранит, а народная память.

Постою, помолчу у колодца пред бездною лет...
А журавль всё скрипит, поклоняясь бревенчатой церкви.
Я, к воде припадая, тебе благодарен, мой дед,
И во внуках моих память крови твоей не померкнет.
…Вьётся узкая тропка к колодцу сквозь патину лет.

Не умалить цены Победы нашей

«Пепел Клааса стучит в моё сердце!»
Шарль Де Костер

Из дымных далей, где гремит война,
Взирают с пожелтевших фотографий,
Солдатскую судьбу испив до дна,
Носители коротких биографий.

У Вечного огня, в одном строю,
Они стоят сегодня вместе с нами:
Кто в Бресте утром первым пал в бою,
И тот, кто над Рейхстагом поднял знамя.

Свет жизни возложили на алтарь, –
Издревле мёртвые не имут сраму.
«За Отчину!» – так говорили встарь,
Святой Победе воздвигая храмы.

Вновь плачут безутешные дожди,
И слёзы шелестят в листве сирени.
Пришли-ушли бездарные вожди,
Пытаясь навязать: всё спишет время!

Ни «пятая колонна», ни враги
Не умалят цены Победы нашей!
И ветер, возвращаясь на круги,
В сердца живых стучится пеплом павших.

Прости, отец

С поблекшей фотографии отец
Глядит сквозь дымку лет чуть-чуть устало,
И я, достигший в жизни перевала,
Осознаю: я перед ним юнец.
За ним незримо века волчий вой
И чаще – беды цугом с лихолетьем.
Неровные края клыков-отметин
Оставлены волчицею-войной.
Он жатвой был её кровавых дат:
Атаки, медсанбаты и окопы…
И с кровью географию Европы
Вбил намертво в названия наград.
Сквозь дымку лет глядит он на меня
И словно вопрошает: «Как же стало,
Что недоумки рушат пьедесталы
Солдат страны, мир спасшей от огня?»
Прости, отец, глумливый, подлый век.
Прости за то, что предали злословью
Историю, написанную кровью,
Но истиной не ставшею для всех.
В одном строю сегодня мы с тобой,
В слезах грозы сиреневого мая.
Звучи набатом, гром, объединяя
Сердца живых Священною войной.

Крупенич Юрий Адамович – Родился в 1952 г. в Калининграде в семье рыбака. Окончил Калининградское мореходное училище и Калининградский государственный университет. Ходил в

море на рыболовных, научно-поисковых и торговых судах. Член СПР. Прозаик и поэт. Живёт в г. Светлый Калининградской обл. krup39@mail.ru

Победители

Вам, штурмовавшим Берлин, Кёнигсберг,
Европа должна поклониться.
Победы России хватило на всех,
чтоб мир над землей воцарился.

Гвардейский проспект – место встреч ветеранов,
на плитах священных горят имена,
здесь жарко граниту от красных тюльпанов,
здесь Вечным огнем завершилась война.

Пройдут все невзгоды. Российский наш флаг
будет вновь почитаем на всех континентах.
Весной в сорок пятом вы взяли рейхстаг,
жаль, кто-то не помнит сегодня об этом.

Тяжёл у солдата у русского крест,
не легче судьба полководца.
Россия сильна, если армия есть
с духовным её превосходством.

Пусть в день юбилейный Победы всем вам
страна салютует из тысяч орудий.
Россия назло всем коварным врагам
державой великою будет!..

Разговор с Твардовским в Гвардейске

Александр Трифонович, здравствуйте!
В городе Гвардейске я стою,
На улицу пришел Калининградскую,
Где когда-то были вы в бою.
Связь сердец в Гвардейск из Тапиау
Протянулась с дальних тех времен.
Здесь о Тёркине дописывали вы главы.
Чтоб народным стал героем он.
Все тогда для вас было иначе,
До Победы несколько минут.
Боевой запас давно истрачен,

Патронов лишь на праздничный салют.
Узких улиц древняя брусчатка
Помнит русских танков марш-походку.
Факты героизма очень часто
Наполняли фронтовые сводки.
Здания стоят красно-кирпичные,
Зарево боев напоминая.
И букеты алые, гвоздичные,
Отражают блики того мая.
То, что было тут простой стеной,
Стало для нас всех святой иконой.
Вы на ней, как будто бы живой,
Разорвали времени оковы.
Песни мы поем сейчас в Гвардейске.
Слышатся они на всю страну.
Подпевают нам всегда в Смоленске,
Наш мотив звучит теперь в Крыму.
Много помнят берега Преголи,
Вспоминают штурмовой набат.
Стал для всех нас навсегда паролем
Вася Тёркин – русский наш солдат.
Александр Трифонович, здравствуйте!
В новый мир напутствовали нас,
В тот, в котором мы должны быть счастливы,
Но, увы, не пробил еще час.
И живем по-прежнему мы с верою
В братство, миролюбие, добро.
Время наше с редкими примерами,
Как на самом деле быть должно.
В общем, помним вашу мы мораль,
Общую для жителей страны.
В каждой жизни есть за далью - даль,
Главное, чтоб не было войны.

В городе Гвардейске на улице Калининградской в начале 2000-х годов была установлена мемориальная доска поэту-фронтовику А.Т. Твардовскому на стене дома № 21, в котором он останавливался в мае 1945 года и дописал там последнюю главу своей поэмы «Василий Тёркин. У городской библиотеки установлен памятник Василию Тёркину.

Последний бой

Василий Яльцев вёл десант на дзоты,
Штурмуя Фрише Нерунг в сорок пятом.
Он командиром был морской пехоты
И дрался до конца с врагом проклятым.

Был дан приказ ворваться первым
И взять косу во что бы то ни стало.

Это ж какие были у героев нервы,
Чтоб жизнь отдать не ради пьедестала.

Им поле минное идти не помешало,
Огонь из дзотов не давал просвет.
С врагом воюя численностью малой,
Сломали яльцевцы противнику хребет.

Враг отступил, чтобы утроить силы
И взять реванш за проигрыш в бою.
Морпехов рота поредела сильно,
Немногие остались в том строю.

Последним был этот морской десант
На берег Пруссии Восточной.
Взят Кёнигсберг, стал нашим Кант,
Лишь на косе той бой был не закончен.

В атаку снова Яльцев роту вёл,
Пришлось с врагом сцепиться в рукопашной.
И командир в ней был, как и всегда, орёл,
Напористый, уверенный, бесстрашный.

Погиб герой в той схватке роковой,
Взял снайпер командира на прицел.
Душа его вспарила над косой
И улетела в лавровом венце.

Страшней немецкой пули стал отказ
Герою Яльцеву в заслуженной награде.
Он жизнь отдал, чтоб выполнить приказ
О взятии косы Победы ради.

Не мог Василий перед смертью знать,
Что жизнь его оценят на копейку.
Черкнут в главштабе подлое: «Не награждать…»
И спишут безвозвратною потерькой.
Но все равно он в памяти народной
Остался за свой подвиг навсегда.
Прошедшие все годы и сегодня
Нам светит его яркая Звезда.

Лопушной Вячеслав Михайлович – Родился в 1945 в Кемерово. Окончил Кузбасский политехнический института. Член Союза писателей, Союза журналистов России и Международной

гильдии писателей. Поэт, прозаик, эссеист. Живет в Кемерово. Инженер-строитель, в литературу пришел после 30-ти. Шесть книг стихов и эссе, публикации в московских журналах, в антологии любовной лирики поэтов России трех веков, в зарубежных изданиях (Германия, США, Канада, Сербия, постсоветские страны). У автора воевали отец - офицер, уроженец Украины, и мать – военврач, коренная москвичка. lopushnoy@mail.ru

День Победы-1975

Я не видел май Сорок Пятого,
Не приспела моя пора.
Но услышал в утробе матери
Вседержавное «гром-ура!»…

Было первым – Война не кончилась? –
Видел, как опять и опять
Мой родитель неслышно корчился,
Силясь боли от ран унять.

А однажды в отцовской проседи
Вдруг привиделось – что за жесть? –
Мне зиянье гигантской просеки,
Что прошила народ мой весь!

И почувствовал: поле боя то –
ПРЕВЕЛИКОЙ СВЯТОЙ ВОЙНЫ –
Густо кровью отцов всё полито,
Чтобы ныне взрастали мы.

Те же головы не склонённые,
Та же стать… та же кровь сейчас,
Миллионократ повторённая,
Вновь победно клокочет в нас!

Евангелие от Елены

Моей матери, Покатаевой Елене Алексеевне

И снова – в срок моей округлой даты –
она нанижет на свои раздумья
нехитрые, но искренние рифмы,
с размерами коварными сражаясь …
Конверт я с нетерпением раскрою
и теплою волной меня овеет,

что радостью нечаянной напомнит,
как в детстве пахло мамой…полотенце.
Ее благую весть я прочитаю
и улыбнусь наивному старанью,
с каким она, лучась добром, слагает –
на листиках в полоску из тетрадки…
Но вот легли однажды предо мною
другие – пожелтевшие – листочки,
те, что отец хранил с Сорок Второго!
И…слёз я не сдержал над тем посланьем:

«Я знаю ЧТО тебя от смерти заслонило
И, верю, впредь спасет наверняка:
Люблю тебя, родной, с такою силой,
С какою ненавижу лютого врага!»…

Смогу ль когда, хотя б одной строкою,
до сей библейской силы дотянуться?

Родительский день

Стаканы с мадерой и чаем,
Веселие в нашем окне:
Победы пять лет отмечаем.
Четыре с полтиною – мне.

Поём про войну и Россию,
«Катюшу» – всем песням венец:
Ведёт голос мамы красивый,
Басит, как умеет, отец.

Звучат немудрёные тосты.
И Козин грустит о былом.
Танцуют счастливые гости,
Как счастлив и я – под столом…

А диск патефона кружи́тся:
Сквозь годы пластинка поёт.
Всё ближе родные мне лица,
Слышней незабвенный фокстрот.

Глаза зачерпнули тумана,
На снимок гляжу фронтовой:
Такая красавица – мама,
И батя – орёл молодой!

Воспоминание-сон

Тетяне Яковенко, украинской поэтессе

Вот я навзничь лежу, вдоль распилен, –
аккуратно – на́ две равные части:
на украинску – добрую половину,
и вторую... – погану, москальску.
Первой половине обещают спасенье.
Ожидает костра половина вторая,
Тёмным небом к земле я придавлен!
Господи, спаси и помилуй!
Почему-то, я почти не чувствую боли.
Но слышу…голоса моих половинок.
Первая – с отцом размовляет тихо:
Не журись, батько, коль не приду на могилу.
Ведь не знаю, ходить я смогу ли?
Отзывается он: "Не беда это, сынку, –
Твоей думки о батьке мне хватит"...
А другая – слёзно – обращается к маме:
Мамочка, мне очень плохо и страшно!
И отвечает она, как в детстве:
"Нужно просто лечь на животик,
и к утру всё пройдет, родимый!"
Но как же, мама, я по-другому лягу?
Мне же нечем совсем оттолкнуться…
И слышу снова свою первую половину:
Тато, я помню, как ты научил меня плавать,
а сам – от природы и рослый, и сильный –
с морем так и не подружился…
А вторая – просто держит мамину руку,
увлажняя ее теплыми слезами...
Тут отозвался Господь милосердный:
И половина вторая тоже
пламя адское миновать сумела!..

Радиограмма брату

Беспримерной длины горький список плывёт на экране:
Миллионы теней, что оставил нам огненный смерч…
Но хоть этого ждал я, а всё ж обожгли, засветившись,
И фамилия редкая, инициалы мои.
Неожиданно оторопь вдруг охватила морозом,
Будто числюсь я сам в этом скорбном бескрайнем строю…
Но опомнился: ты это, старший мой брат незнакомый,
То же отчество, только Владимиром был наречён.

Ты ведь – радиотелеграфист, так нажми поскорее
На «приём»…и меня сквозь эфирные трески услышь:
Разошлись мы на свете с тобой…Восемнадцатилетний,
До Девятого Мая одну ты весну не добрал:
«Пал, геройство явив…» – слов не вырубить из похоронки,
Что вручили как брату мне вновь – позапрошлой зимой.
Комиссар батальонный, родитель наш, вышел из ада:
Взрывом бомбы изранен, засыпан…: Из тысячи– шанс!
Выжил! – Бог охранил…Возвратилась из пекла и мама:
Что в боях госпитальных сражалась за жизни солдат!..
И спустя триста дней, как тебя в этом мире не стало,
Вышло так, третий сын, я, не медля, издал первый крик.
Но живёт почему-то в душе моей чувство такое,
Что рожденьем своим я обязан тебе одному!..
Нам обняться теперь по ту сторону лишь доведется.
А сегодня внезапно простая догадка пришла:
Весь мой век опалил ты, сгоревший короткой свечою!
От ожога того, может быть, я и стался поэт…

Малышев Александр Константинович – Родился в 1948 году в городе Калининграде. Окончил Историко-филологический факультет Калининградского государственного университета. Секретарь, член приёмной коллегии СП России. Председатель правления КРОООО СПР (Балтийская писательская организация). Живёт в Калининграде. a.malyshev1948@mail.ru

Посвящаю великому татарскому поэту Фатыху Валеевичу Каримову
(Фатых Кариму)

Треугольник письмо

Треугольник-письмо, что отправил Фатых из окопа,
Как посланье живым, в нашу жизнь, из военных времён.
Ожидала конца, содрогаясь от страха, Европа.
Словно знамя Победы, письмо это нёс почтальон.

Затерялось оно, может быть, не нашло адресата,
Или долго лежало в архивах военных тиши.
Сохранилось для нас, словно вечная слава солдата,
Как бессмертье его героической стойкой души.

Нам письмо бы открыть и прочесть откровенные строки,
Их писал на войне дочерям, перед боем отец.
Может тайну хранят, те, прошедшего времени, сроки,
Всё узнаем тогда, что герой написал, наконец.

Ну а может не стоит спешить открывать то посланье.
Пусть загадкою будет для всех треугольник-письмо.
Эту память о нём пронесло через все испытанья,
Пусть хранит честь Фатыха, военной цензуры, клеймо!

Мы сегодня в долгу

Мы сегодня в долгу перед тем поколеньем,
Что в боях погибало, не встав на колени.
Защищало Отчизну в военные годы,
Собирая в кулак наши братья- народы.

Мы сегодня в долгу перед нашей Страною
С очень трудной порой и жестокой судьбою,
Что её обвиняем во всех своих бедах
Забывая о прошлых великих победах.

Мы сегодня в долгу перед памятью павших,
На полях многих войн, всех безвестно пропавших,
Всех в застенках замученных, гордых и смелых,
И погибших в боях, за тех красных и белых.

Мы виновны теперь даже перед собою
Разучившись гордиться Великой Страною.
И за это в долгу неоплатном и вечном
Перед временем нашим, таким быстротечным.

И покинув родные места, где погосты
Наших предков, за них произносим лишь тосты.
Обезлюдев, родные места одичали,
Превращаясь в полей необъятные дали.

Где теперь нам найти эти вечные скрепы,
Те, что в древних былинах для нас были лепы?
Мы сегодня в долгу у былых поколений,
Не встававших пред сильным врагом на колени!

Бородинское поле

Двести лет для истории нашей не срок,
Не забыто сражение это.
Преподали тогда мы французам урок
На исходе военного лета.

За царя и Отечество, Веру свою,
На врага шли бесстрашно солдаты,
Они память и честь добывали в бою,
Мы тех дней с вами празднуем даты.

В твоём сердце, Россия, есть Бородино-
Поле боя и воинской славы.
На бессмертие право здесь было дано
Нашим предкам – героям Державы.

Бородинское поле - бескрайний простор,
Оно помнит сраженья раскаты.
Там, где враг получил, наш достойный отпор,
Для России места эти святы.

Бородинское поле окрасил закат,
Словно павших здесь воинов кровью.
Два столетия русские люди хранят
Благодарную память с любовью.

Членам Калининградской Ассоциации поисковых отрядов «Память»

На поляне у речки по пояс трава,
И багровый закат догорает.
О погибших в бою будет память жива,
И народ о них правду узнает.

Поисковый отряд отыскал здесь солдат,
Впопыхах захороненных вместе.
И слова благодарности нашей звучат,
Об отваге и воинской чести.

Сколько их неизвестных военных могил?
Для солдата страшней нет забвенья.
Как святой манускрипт, эту тайну открыл,
Нам ремень, словно знак воскрешенья.

Написал о себе на нём строки солдат,
Может быть в ожидании боя.
И военный приказ тот «Ни шагу назад!»
Павшим без вести сделал героя.

Как же долго их вдовы молили святых,

Чтоб узнать, где мужей схоронили.
Поисковый отряд, вы всю правду о них,
И их честь, и бессмертье добыли.

Не закончится видно любая война,
Коль последний солдат не опознан.
Возвращает нам время бойцов имена,
Видно так этот мир Богом создан.

На поляне у речки по пояс трава,
И багровый закат догорает.
О погибших в бою будет память жива,
Имена их народ теперь знает.

Посёлок Борское, Гвардейского района Калининградской области

***

Как осколки шипят
В почерневшем снегу,
Вы увидели это впервые.
Долетевший снаряд,
На речном берегу,
Рвал на части тела молодые.

Вам нельзя отступить,
Не нарушив приказ.
Вы вгрызаетесь в землю живые.
Как вам хочется жить,
Чтоб влюбиться, хоть раз,
Испытав эти страсти земные.

Было вам суждено
Не познать светлых дней.
До Победы вы той не дожили.
Но мы знаем одно,
Вы всей жизнью своей,
Память вечную, там заслужили.

Будем помнить солдат,
Не пришедших с войны,
В тех жестоких сражениях павших.
Боль потерь и утрат,
Мы забыть не должны,
И бойцов, нашу землю спасавших.

Эйза Людмила Александровна – Родилась в г. Берлине, в семье военнослужащего. В настоящее время живёт в городе Советске Калининградской области. Имеет публикации в десяти коллективных сборниках, автор шести поэтических книг. Автор двадцати переводов Макса Фон Шенкендорфа и 15 авторов Таурагского края Литовской республики. Имеет публикации в в журналах. «Дипломант II-ой степени в номинации «Поэзия» IV Межрегионального литературного конкурса «За далью даль» 2016 года, лауреат II-ой степени и обладатель звания серебряного призёра Первого областного литературного конкурса «Ты сердца не жалей поэт» 2017г. Заместитель председателя Общественной писательской организации «Росток», в который проводится серьёзная работа по теории стихосложения. Член Союза писателей России. elagap@mail.ru

Полевая почта

Что сказать о почте полевой?
На войне она незаменима.
Если почтальон проходит мимо
С полной треугольников сумой:
Что случилось, как дела в семье
И жива ль жена, и живы ль дети?
Завтра в бой. Тревожат мысли эти –
Отдых тоже важен на войне.
А боец не спит, письмо домой
Он строчит дрожащею рукою…
Полевая почта – что такое?
Под обстрелом летом и зимой
Почтальон несёт свой ценный груз.
Треугольник белый, без сомнений,
Связь времён со связью поколений –
До сих пор в нём радость, боль и грусть…
Так же ждали весточку в тылу,
Получить страшились похоронку…
Почтальон ходил по тонкой кромке,
Чтоб смягчить людских страданий глубь:
Чтобы поддержать, суметь помочь,
От души порадоваться вместе.
Разные бывали с фронта вести…
Иногда бежать хотелось прочь.
Полевая почта на войне
И в тылу играла роль большую.
Потому о ней сказать спешу я,
Чтоб воздать ей почести вдвойне.

Боль

Родное мамино село
Фашист спалил в войну когда-то.
Она не помнит точной даты,
А ей, мол, просто повезло,
Что за полгода до войны,
На то житейские причины,
С семьёю тётиной они
Жить переехали в Починок.

Недолго там враги стояли –
Три месяца всего, не боле.
Всех жителей в сарай согнали
И подожгли. Нет большей боли!
И от села с названьем Ксты
Осталось только пепелище,
И лишь могильные кресты –
Живых навряд ли кто отыщет.

Теперь там памятник стоит,
На нём все имена сожжённых,
Но не расскажет нам гранит,
Чьи дети здесь лежат и жёны…
Скупые мамины слова –
Её тревожит эта тема.
Но будет память в нас жива –
В ней боль, прошедшая сквозь время.

Старый альбом

Лейтенант с волнистым чубом,
На петлицах – кубари.
Этот снимок помнить буду –
До войны снимались люди –
Счастье, что ни говори.
Столько жизни в светлых лицах,
В форме новенькой друзья.
А беда уже стучится:
Чёрным вороном примчится
Враг на мирные поля.
Города падут в руинах…
Жертв – несчётное число –
Танки, самолёты мины…
Чтоб фашистов видеть в спины,
Сколько лет войной сожгло.

...Вот мы четверо на снимке:
Папа, мама, я и брат…
Со щеки смахну слезинку…
Память – вовсе не поминки,
Но года стрелой летят.
Открываю реже, реже
Я заветный тот альбом.
Жизнь свои даёт надежды:
Дети, внуки ветром свежим
Заполняют отчий дом.

Победный май 2020 года

Вот и настал Победный май,
А мы закрыты по квартирам,
Но память трассером-пунктиром
Сшивает чувства край за край.
Штрихи размашисто просты –
В них оживают фотоснимки.
Играет старая пластинка,
Наводит памяти мосты:
И через столько разных лет
Мне улыбаются солдаты,
Фашистам нёсшие расплату
И, среди них, отец и дед.
В альбомах трепетно хранит
Семья любая тех героев –
Стоят они единым строем
Одеты в мрамор и гранит.
Жизнь все расставит по местам:
Парад Победы будет позже…
Но стол накрыть мы дома сможем
И выпить фронтовых сто грамм.

Модератор конкурса

Полищук Михаил Иванович – Родился в 1948 в Москве. Окончил Ленинградский Гидрометеорологический институт. Океанолог. Кандидат географических наук. Член СПР. Прозаик. Живёт в Калининграде. wave.free@mail.ru

Принципиально старшина

Быть может, кто-нибудь иной
Расскажет лучше нас
Как горько по земле родной
Идти, в ночи таясь
А.Т. Твардовский

– Да, ребята, подрастеряли мы этот… как его, генофонд. – Иван Климентьевич с трудом вспомнил неудобное слово. – Ещё на полях сражений растратили, а после войны по заграницам развезли… растащили…

– Ладно, дед, прекрати. Старая песня, – попытался остановить отца Сергей.

– Нет, не ладно, неладно в отечестве моём, когда кругом такое творится, – гнул своё Иван Климентьевич, фронтовик, коммунист, старшина.

– Батя, сегодня такой день! Давай плюнем на плохое и рванём за хорошее по сто грамм фронтовых, да покушаем вкусно. – Ровным голосом произнёс Дмитрий, старший, довоенного «замеса», сын, – ты же свои гены уберёг.

– Я исключение, – буркнул Иван Климентьевич, – а эти «прихватизаторы»… У них отцы в пехоте точно не служили…

– Дед, а слабо тебе сейчас вспомнить и рассказать нам что-нибудь, когда ещё о войне вспоминать, как не в День Победы, – попросил Сергей.

Было тепло. Свежее весеннее солнышко только начало свой путь к горизонту и пригревало прямо по-летнему. На закрытой полукруглой веранде за столиком расположились четверо взрослых мужчин, старшему из которых в прошлом году перевалило за девяносто, а младшему Сергею – за шестьдесят.

После праздничного шествия они уютно разместились на веранде известного калининградского ресторана. Устали. Особенно отец устал, он уже давно не хаживал на такие расстояния, но все уговоры отказаться от марша мимо памятника 1200 героям-гвардейцам категорически отверг. Теперь вот сидит, бодрится, но видно – прилечь бы не отказался.

– Что же мне рассказать вам нового, дети мои, не знаю даже, вроде всё уже сказано. Вы давно сами отцы, а некоторые и деды, но всё дети мне… и никак в этой жизни по-другому не будет.

– А вот объясни нам, к примеру, почему ты начал войну в звании старшины и закончил её в том же звании? – опять зацепил отца младшенький.

– Ведь ты был храбрый воин, о чём твои боевые награды говорят, педтехникум закончил, а это, по тем временам ого-го… Так почему же только старшина? – поддержал брата Александр.

– Ничего нового не скажу я вам, – отхлебнув светлого, медленно произнёс отец. – Вы знаете, что я в окружении был … ну, вот вам и объяснение…

– Да, конечно, это аргумент, но ведь куча примеров, когда окружение было и даже плен, но войну

кончали, кто живой остался, и офицерами, и даже генералами.

– Про других – не скажу, – нехотя ответил старшина, и после паузы согласился. – А давай, попробую.

Я расскажу вам кое-что про ту страшную ночь 22-го июня, и про 17 суток моего окружения, которые мне никогда не забыть… Хотя, конечно, годы… Строго не судите, может, чего и перепутаю.

Наша часть располагалась под Брестом, ближе всех к легендарной крепости, на видимости практически. Я уже второй год дослуживал, был старшиной, а по весне на должность замполита роты меня назначили. Должность эта – офицерская и, наверное, скоро я бы стал офицером.

– Давай, только помедленнее и главное не волнуйся.

– Спокойно об этом не расскажешь, а помедленнее – постараюсь… Построились мы по тревоге, в крепости взрывы, а мы стоим и ждём указаний. Долго стояли, потом бежали строем вдоль Буга и напоролись на немцев. Косили нас из пулемётов, и не с запада, а с востока – обошли, пока мы на плацу торчали. Никто не командовал, может и правда, перебили сразу всех офицеров, ведь когда мы уже в лесу оказались, их не было.

Вот так я и оказался старшим по званию в испуганной, неорганизованной толпе. Двигались мы по лесным дорогам на восток с утра до вечера, к нам прибивались разные, группы, и опять ни одного офицера. Много было солдат и без винтовок, и неодетых совсем. Это моя рота с построения сорвалась, а многие заставы прямо из постели, босые попадались. К вечеру набралось нас человек восемьсот, не меньше. Представляете – личного состава полк и ни одного офицера. После получасового привала пошли по дороге дальше, а ещё через полчаса навстречу нам: «Хенде хох!» – и очередь над головами.

Я где-то ближе к середине шёл. «Назад, все назад!» – скомандовал. Не успели повернуться, сзади от озера: «Хенде хох!» – и снова очередь.

Рванул в лес. Прокричал: «За мной!».

Старался уйти как можно дальше от дороги, петлял, слышал, как посвистывают «не мои» пули. Утром, очнувшись со светом, продолжал движение на восток. Солнце! Это была, моя надежда на жизнь, на будущее… В первый день почти до полудня собирал своих – тех солдат, которые как и я приняли решение двигаться на восток… К ночи нас было уже семеро, а на следующий день приткнулись ещё двое из той несчастной колонны без офицеров. Так, группой в девять человек, имея поначалу только две винтовки и мой пистолет, мы ещё полмесяца шли на солнце – на восток.

В конце пути, когда мы уже готовились форсировать Днепр, наша девятка выглядела вполне боеспособной: была полностью вооружена и обмундирована. Белосток–Минск–Барановичи – там, насколько я теперь знаю, бродили толпы наших солдат, там в июне-июле их и отлавливали немцы. Мы же шли гораздо южнее – по Полесской низменности, изобильной на болота и речушки. К крупным населённым пунктам не приближались. Значительно южнее Пинска форсировали Припять и далее шли по её правому берегу, а под Мозырем перебрались обратно на левый берег и за пару суток добрались до Днепра. Везло нам, конечно: если б чуть севернее взяли, под Речицу (там дороги и мост), ничего бы не получилось. А мы к югу направились и короткой ночью 9 июля 1941 года попали почти в излучину речки Сож, оттуда на двух плотах выбрались к своим.

Землю целовали… Плакали… Очнулись все, как-то разом, на сене в сарае, проспали больше суток. Смутно помню котелок с кашей и котелок со спиртом…

Смерть прошла рядом, и ваше рождение, малые, – Иван Климентьевич кивнул в сторону притихших Александра и Сергея, – состоялось, можно сказать, по счастливой случайности. В это трудно поверить – но документов-то при нас не было!

– Как? – выдохнул эмоциональный Серёга. – И у тебя, замполита роты, не было документов!

– Да, Серёга, и у меня тоже не было, потому что, дети мои, просто не было в рабоче-крестьянской Красной Армии у рядового и младшего командного состава никаких документов. Жетоны с порядковым номером по списку части выдавались только на учениях. Про смертные медальоны вообще молчу. Их заполняли только коммунисты, вроде меня, да твёрдо неверующие, большинство же табачок на последнюю закрутку там хранили. А ты, товарищ полковник, не знал что ли этого? – спросил отец.

– Я считал, что перед войной уже красноармейские книжки выдали, – неуверенно ответил Дмитрий Иванович.

– Нет, Димочка, нет, дорогой. В конце 41-го приказ вышел. Мне книжку только осенью 42-го выдали под Сталинградом уже. Два ваших дяди – моих родных брата, пропали без вести в 41-м под Ригой и Ленинградом… И не найти концов… не было ни у кого документов… и не узнаем мы никогда, чья пуля – немецкая или русская – оборвала их молодые жизни. Потому как заградотряды…

– Не ожидал я, отец, от тебя такое услышать… Ты ведь всегда твёрдый сталинец, коммунист с довоенным стажем, сын коммуниста с дореволюционным, – перебил отца Дмитрий, но старшина не дал ему закончить.

– Дима и вы, орлята, сами напросились… Хотели услышать – так слушайте и не сбивайте меня! Да, сталинец я, но сегодня не такой сталинец, как в войну был. XX съезд не сразу принял, но постепенно в голове прояснялось… Узнавал новое о войне, по новому стал смотреть на факты, свидетелем которых был.

Я главного в этой истории не сказал ещё. Слушайте. Когда мы вышли к своим, куча народу сбежалась поглазеть на нас. Они здесь не видали пока окруженцев. И вдруг меня окликают: «Иван! Ты?». Гляжу – Федя Хорьяков, с которым мы в 39-м призывались вместе с Дальнего Востока. Он тоже учительствовал, но не в Бомнаке, а в посёлке ниже по Зее. Мы с ним тогда на узловой станции с чудным названием Завитая провели несколько суток вместе и подружились. Именно Федя и притащил котелок спирта и накормил мой отряд. Вот эта встреча и оказалась главным! Она всё и определила – провела черту между жизнью и смертью.

Тогда ещё не было особых отделов в полках, а в батальонах особистов не было. Вёл допрос под протокол замполит дивизии лично: «Кто может подтвердить, что передо мной находится Михайлюк Иван Климентьевич»? И я сразу назвал старшину Хорьякова. Все остальные солдаты сослались на командиров, своих непосредственных взводных или ротных, на тех офицеров, которых знали, то есть на тех офицеров, которые неизвестно, где находились...

Треугольники мои при мне остались, все четыре. Как вышел старшиной, как сохранил их в петлицах, так никто их с меня и не снял. А ещё через неделю, ну может чуть больше, во второй половине июля, Третье управление Наркомата обороны передали НКВД. Сформировали особые отделы при подразделениях, и всеми делами занялись особисты. Рассмотрение дела ограничили двенадцатью часами, получили право расстрела на месте… Объективно, и не было времени разбираться – немец пёр на всех направлениях… Пал Смоленск! Дорога на Москву была открыта!

Ну, и что же… Расстреляли моих недолгих, но таких дорогих мне товарищей, которые мне поверили, которые за мной рванули тогда от немца, которые и составляли генофонд страны – лучшую его часть, неповторимую… Дальше вам должно быть понятно – с каким грузом продолжил войну ваш отец – понятно почему закончил её проклятущую старшиной… Эти восемь человек приходили ко мне вместе и по одному, ночью и днём… они помогли мне выжить и под Москвой и в Сталинграде.

Не раз мог бы я сменить свои треугольники на кубари, но я не мог после всего этого… не мог офицером… так и до воевал в старшинах.

Помолчали.

– Ну, вот что-то длинно я… разболтался...

После длинного рассказа и праздничного обеда по пути домой Иван Климентьевич помалкивал, от вопросов отмахивался. Спать лёг пораньше – устал крепко.

Во сне и умер.

«Счастливый!» – то и дело слышалось в толпе провожающих.

Да. Счастливый, проживший долгую, трудную жизнь, заслуженный учитель, орденоносец, навсегда принципиально старшина Михайлюк Иван Климентьевич.

Добавить комментарий

Комментарии